

ДМИТРИ САМАРСКИ

**НИТИ
БИВРЁСТА**

НИТИ
БИВРЁСТА

Дмитри Самарски Нити Биврёста

<https://litres.ru/74124442>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Нити Биврёста» — любовное фэнтези, где судьба — не приговор, а полотно, которое можно переплести. Эйра, дочь рыбака и тайная скальдесса, слышит шёпот рун и меняет судьбы стихами. Когда шторм выбрасывает на берег изгнанника Каэльра — полувеликана с проклятием в крови, — она нарушает закон, чтобы спасти его. Их связь пробуждает древнее пророчество: любовь Эйры ломает лёд чар, но разжигает пламя Рагнарёка. Ради спасения миров героини пересекают девять миров, собирают осколки Биврёста и бросают вызов самим Норнам. Но цена новой судьбы оказывается невыносимой: чтобы переписать предначертанное, Эйре придётся пожертвовать самым дорогим. Сможет ли любовь стать не искрой конца, а словом, творящим реальность?

Слоган: «Когда любовь переписывает судьбу, даже Норны теряют счёт нитям».

Содержание

ПЕСНЬ О РАЗОРВАННОЙ НИТИ	4
ГЛАВА 1. ДЕВУШКА, СЛУШАЮЩАЯ ВЕТЕР	7
ГЛАВА 2. ШТОРМ И НЕЗНАКОМЕЦ	12
ГЛАВА 3. ЗАКОН КРОВИ	20
ГЛАВА 4. ИМЯ КАЭЛЬР	33
ГЛАВА 5. СТИХ, МЕНЯЮЩИЙ СУДЬБУ	45
ГЛАВА 6. НАЧАЛО ПОГОНИ	60
ГЛАВА 7. КЛЯТВА У МОРЯ	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дмитри Самарски Нити Биврёста

ПЕСНЬ О РАЗОРВАННОЙ НИТИ

Ночь в Мидгарде была тёмной, как когда-то тьма до того, как Один поднял небо. Звёзды стояли неподвижно, будто испугавшись шёпота, который поднимался с моря. В такие ночи даже волны, казалось, не решались говорить вслух.

Старики деревни говорили, что такие ночи приходят перед большими переменами — когда Норны плетут новые узоры, а не просто укрепляют старые. Но в этот раз небо раскололось знаком, которого не было со времён первых саг.

Над восточным горизонтом вспыхнул символ — черный волк, пожирающий солнце. Он не двигался как облако и не пылал как северное сияние: это был знак, вырезанный в самом своде мира, словно кто-то начертал руну на шкуре неба.

— Фенрир открыл пасть, — прошептала старая Хельва, прикрывая глаза. — Когда он ест свет, судьбы ломаются.

Мужчины в деревне, что всю жизнь считали себя сильнее

страха, спешно принесли факелы и встали у святилища Тора. Они не молились — просто держали молоты так, как будто металл мог оттолкнуть знак богов.

Но знаки не отталкиваются.

С востока пришёл ветер. Он пах солью и чем-то древним — запахом, будто земля разломилась, и из глубины вышли забытые имена. Ветер прошёл по домам, дрогнули двери, и где-то в тёмных комнатах младенцы заплакали, не зная почему.

И только одна девушка не заплакала, а улыбнулась во сне.

Эйра увидела мост. Он был ярким, как дощечки из расвета, и таким высоким, что облака распадалась, касаясь его края. Но мост дрожал — не от ветра, а от боли, как живое существо. В каждом луче были трещины.

Она ступила на Биврёст босыми ногами. Ступни не ощущали холода — стекло моста пело, как струна арфы. Она слышала в этом пении слова, которых никто её не учил.

— Ансуз... — прошептала она во сне, не понимая, что слово само приходит.

Вдалеке стоял мужчина с глазами, похожими на северное море зимой — тёмными, бездно глубокими. Он держал в ладони ледяную руну, и от неё рассыпались искры, которые падали в пустоту между мирами.

— Не подходи... — сказал он. Его голос был как лёд, которого касается огонь.

Но Эйра шагнула к нему. С каждым шагом трещины расширялись, и внизу под мостом свернулся огромный змей, чешуя которого была кольцами света и тьмы. Он поднял голову — и Эйра проснулась.

Она проснулась с именем на губах и шепотом руны в крови, а по коже бежал мороз. В окно ударил ветер, и в его стоне она услышала чужую песню.

ГЛАВА 1. ДЕВУШКА, СЛУШАЮЩАЯ ВЕТЕР

Утро в деревне Селлунд начиналось одинаково уже сотни лет — запах соли, треск мачт, крики чаек, смешанные с голосами рыбаков. Женщины выходили к берегу с корзинами для улова, мужчины подтягивали лодки, а дети бегали по камням, держа в руках мокрые сети, словно драгоценные плащи.

Эйра была среди них, но не похожа ни на кого. Она работала, как все, но слушала другое. Когда она бросала сети, то слышала не только плеск воды, но и слова — тихие, как шёпот между волнами. Иногда эти слова складывались в ритм, в строчки, которые сами просились наружу.

— Не пой, — говорила ей мать. — Скальдессы не нужны. Слова — опасны.

В деревне верили, что поэты способны менять судьбы. Старики говорили, что однажды скальд высказал песнь о гибели правителя — и тот умер через день. С тех пор в Селлунде были запрещены стихи, а если кто-то начинал петь, его заставляли молчать, будто вырывали кляпами ветры из

горла.

Но Эйра не могла молчать. Её стихи — не звуки, а дыхание. Когда они рождались, она чувствовала, будто сама Нора ведёт её руку.

В тот день, когда в небе появился знак волка, Эйра стояла у кромки моря и слушала, как волны повторяют один и тот же звук, словно руну на деревянной доске.

— Ансуз... — тихо произнесла она, хотя не знала, что значит это слово.

И море замерло.

Она почувствовала, как вокруг становится на мгновение слишком тихо, будто мир прислушивается к её голосу.

Старейшины Селлунда собирались в длинном доме, когда в деревне происходило что-то необычное. Этот дом, построенный из старых сосен, был старше любого живущего человека. Его балки пахли смолой и кровью прошлых войн. Под крышей, где висели щиты предков, старики решали судьбы.

Эйру вызвали туда вечером.

— Мы слышали твой голос у моря, — сказал Гуннар, самый старый. — Ты повторила руну. Ты знаешь, что это значит?

Эйра опустила глаза.

— Я не знала, что говорю.

— Незнание не освобождает от греха, — резко ответила женщина по имени Бьорнхильд. — Слова создают пути, а пути ведут к гибели.

Они боялись её. Не как девушки, не как человека. Они боялись силы, которую не понимали. А в страхе всегда рождалась жестокость.

— Ты больше не будешь петь.

— Я никогда не пела вслух.

— Тогда перестань слышать.

Эйра подняла голову.

— Если я слышу, значит, кто-то говорит. И это не я.

В ответ старики молчали, будто услышали, как ломается сама их вера. Её отпустили, но в деревне пошли шёпоты: «она скальдесса», «она отмечена рунами», «она приведёт беду».

Эйра ушла к берегу в тот же вечер, чтобы спрятаться в шуме моря. Там, среди камней, она услышала новую песнь.

На скале над водой стояло древнее святилище Браги. Оно давно заросло мхом, а руны на камнях потускнели. Лишь немногие знали, что за столетия оно не потеряло силу, и что иногда в нём звучали стихи, которых никто не произносил.

Эйра пришла туда босая, чтобы почувствовать камень под кожей. Она встала среди обломков и положила ладони на старый алтарь.

Ветер поднялся внезапно. Он вошёл в святилище, закрутил листья и пепел, и в этом вихре Эйра услышала голос. Он был мягким, но древним, как голос самого моря.

— Слова — это нити.

— Нити чего? — спросила она, не понимая, с кем говорит.

— Судьбы.

Эйра почувствовала, как под пальцами дрогнул камень. Руна на алтаре вспыхнула бледным светом и исчезла.

— Ансуз.

Снова это слово. Слово, которое звучало как дыхание, как рождение.

Она не знала, что в эту же минуту далеко за морем, в Йотунхейме, проснулось древнее проклятие.

ГЛАВА 2. ШТОРМ И НЕЗНАКОМЕЦ

Селлунд привык к штормам. Море у их берегов могло быть нежным утром и свирепым ночью, но никто не помнил, чтобы оно ревело так, как в тот день. Небо потемнело уже к полудню, и ветер принёс запахи, которые не принадлежали Мидгарду — резкий холод гор, сгоревшую смолу и что-то ещё, едва уловимое, будто дыхание древнего зверя.

— Будет буря, — сказал отец Эйры, глядя на горизонт. — Никто не выходит в море.

Но когда первая волна ударила о причалы, стало ясно, что буря пришла не за лодками, а за людьми.

Вода поднималась, как стена. Она била в камни с яростью, словно хотела вырвать землю из корней. Птицы исчезли, а небо затянулось такими густыми тучами, что день превратился в сумерки. Молнии ползали по облакам не вспышками, а ломаной сетью, словно кто-то плёл в небе огромную руну.

Эйра стояла у окна, когда услышала необычный звук — не

гром и не крик, а глухой удар, будто тяжёлое тело рухнуло на прибрежные камни. Она вышла наружу, не думая о страхе. Ветер был настолько сильным, что срывал с неё волосы, а солёные брызги резали лицо.

Она увидела его сразу.

Человек лежал на мокрых камнях, наполовину скрытый пеной. Его одежда была разорвана, руки покрыты кровью, но в свете молний она заметила странный знак на его груди — руну, выжженную на коже. Руна светилась холодным синим светом, будто в самой плоти заключили кусок льда.

Эйра, не раздумывая, бросилась к нему. Она опустилась на колени в воде, ощущая холод, который разливался от его тела, словно вокруг него была невидимая зима. Его лицо было бледным, губы треснули, но даже в бессознательном состоянии он казался опасным — словно воин, который может пробудиться и разрушить всё вокруг.

— Ты не из Мидгарда, — прошептала она и услышала в себе ответ: ты из сна.

Его веки дрогнули, и на мгновение она встретилась взглядом с холодом, который видел во сне — темным, как зимнее море.

И тут море взревело снова. Волна поднялась выше головы и накрыла их обоих. Эйра едва удержала его за плечо, и тело незнакомца потащило вниз, но она не отпустила. Она боролась с водой, пока не почувствовала под ногами землю. С трудом она вытянула его на песок, а потом, задыхаясь, потащила к лодочному сараю.

Шторм гремел, как голос богов, но Эйра, дрожа и мокрая, уже знала: этой ночью её жизнь разделится на до и после.

Лодочный сарай был старым, с осевшими стенами и запахом смолы. Здесь хранились сети, весла, остатки лодок, которые не выходили в море годами. Эйра приволокла незнакомца туда и уложила на груди мешков. Его кожа была ледяной, будто он лежал не в тепле, а в снегу.

Она не знала, что делать. В деревне не было лекарей, а старейшины не приняли бы чужака — особенно такого, на груди которого горела руна. Но оставить его умирать она не могла.

Эйра достала старые шерстяные одеяла и укрыла его, хотя знала, что это мало поможет. Она растёрла ему руки, но холод не уходил. Тогда она, сама не понимая почему, положила ладонь на руну.

От неё пошёл холод, который впился ей в кожу, как нож. Эйра резко отдернула руку, но в этот момент почувствовала нечто странное — не просто ледяную боль, а словно голос. Голос без слов, ощущение чужого страдания, сжатого внутри руны.

— Ты связан, — прошептала она.

В ту же минуту сквозь стены сарая прозвучал глухой голос рога. Один долгий сигнал — знак тревоги. Деревня уже знала, что море выбросило чужака.

Эйра слышала шаги, грубые голоса мужчин, приближающиеся к сараю. Её сердце ускорилося. Она не могла объяснить, почему защищает этого незнакомца, но знала одно: если его найдут, его убьют.

Она потушила лампу, и свет исчез. Сарай погрузился в темноту, только руна на груди мужчины тихо светилась, как замёрзшая звезда.

Шаги остановились у двери.

— Мы видели, как ты ушла к морю, — сказал грубый голос. — Что ты принесла, Эйра?

Она затаила дыхание.

— Я искала сети.

— Шторм — не время для сетей.

Дверь скрипнула. Свет факела прорезал тьму, осветив пыльные балки и старые лодки. Эйра стояла, заслоняя тело незнакомца собой.

— Там ничего нет, — сказала она ровно.

Мужчина сделал шаг, посмотрел ей в лицо и вдруг отступил. В её глазах он увидел то, чего боялся — не испуг, а твердость.

— Хорошо, — пробурчал он, и дверь закрылась.

Когда шаги стихли, Эйра обессиленно опустилась рядом с незнакомцем. Его дыхание стало ровнее, но руна светилась сильнее. Ей показалось, будто его сердце бьётся в том же ритме, что и её.

Ночь тянулась бесконечно. Шторм стихал, но ветер всё ещё свистел в щелях. Эйра сидела у незнакомца и думала,

что должно произойти, чтобы море выбросило на берег человека с руной на груди.

В какой-то момент он вздохнул глубже, и её взгляд встретился с его — он открыл глаза.

Это не были глаза обычного человека. В них не было страха пробуждения или благодарности. Они были холодны, как глубокая вода зимой, и в то же время в них скрывалась усталость, словно он жил слишком долго и видел слишком много.

— Где... я? — голос его был низким, немного хриплым, но чистым, как камень.

Эйра не сразу ответила. В его лице было что-то знакомое — не как у человека из деревни, а как у существа из песен.

— Ты в Селлунде. Это Мидгард.

Он попытался подняться, но дрогнул, и Эйра осторожно удержала его. Его кожа была холодной, но прикосновение к ней оставило на её ладонях странное тепло, будто лёд раскалывался внутри.

— Я... не должен был попасть сюда, — прошептал он.

— Тогда почему море принесло тебя?

Он посмотрел на неё, словно пытаясь прочитать в её лице ответ.

— Море не приносит. Море забирает.

Молчание между ними было плотным, как ткань. Она ощущала, как его присутствие меняет воздух. Внутри неё боролись страх и странная, необъяснимая тяга — желание узнать, кто он, и почему его руна отзывается в её крови.

— Как твоё имя? — спросила она наконец.

Он долго молчал, будто это слово было тяжёлым.

— Каэльр.

Её сердце дрогнуло. Имя звучало как раскат грома и как шелест снега одновременно.

— Я Эйра.

Он посмотрел на неё так, словно имя её было ключом, который он пытался вспомнить.

Снаружи сквозь тучи начала пробиваться луна. Её свет упал на его грудь, и руна вспыхнула ярче. На мгновение Эйре показалось, что между ними натянулась тонкая нить — незримая, но осязаемая, словно сама судьба протянула руку.

— Ты должна отпустить меня, — сказал он.

— И дать тебе умереть?

— Ты не знаешь, кто я.

Эйра знала одно — что его имя уже связано с её сном, с Биврёстом и с руной, которую она слышала у моря. И когда он попытался встать, она поймала его взгляд и сказала:

— Тогда расскажи мне.

В этот миг воздух вокруг них изменился. Тишина стала глубже, и даже ветер, казалось, прислушался. Где-то далеко завыл волк, но в сарае было только дыхание двух людей и древняя руна, светившаяся между ними, как сердце льда.

ГЛАВА 3. ЗАКОН КРОВИ

Когда утро наконец прорезало ночную тьму, Селлунд уже не был прежним. Шторм, хотя и утих, оставил на берегах поломанные лодки и линии пены, словно белые шрамы. Но сильнее всего изменился сам воздух — он стал плотным, напряжённым, будто каждый вдох тянул в лёгкие тревогу.

Эйра, сидевшая в лодочном сарае рядом с Каэльром, слышала голоса за стенами. Мужчины из деревни — те, кто называл себя охотниками, хоть охотились не на зверей, а на всё, что приносило страх. Их шаги звучали как удары по земле, с каждым шагом становясь ближе.

Она знала их имена. Ингвар, высокий, как мачта, с руками, покрытыми морскими шрамами. Хальдор, хмурый и молчаливый, у которого на поясе всегда висел топор. И Бьорн, сын старейшины, тот, кто смотрел на неё всегда подозрительно, словно заранее ждал от неё беды.

Эти люди были хранителями древних обычаев, и главным из них был Закон Крови — правило, уходящее корнями в самые тёмные времена, когда деревни спасались лишь жестокостью.

Согласно Закону, любой чужак, появившийся в Селлунде без разрешения старейшин, должен быть либо изгнан до восхода солнца, либо убит — чтобы беда не осталась среди своих. Считалось, что кровь чужака несёт на себе тень и может притянуть божественный гнев или месть духов.

Слишком много легенд ходило о тех, кто впустил в дом незнакомца и потом потерял всё. Люди боялись повторения этих историй больше, чем смерти.

Когда раздался первый удар в дверь сарая, Эйра уже стояла между телом Каэльра и входом, будто её собственная жизнь стала щитом.

— Открывай, Эйра! — голос Ингвара был не злым, но твёрдым. — Мы знаем, что ты принесла что-то с берега.

— Это не “что-то”, — ответила она, не отводя глаз от двери. — Это человек.

На мгновение снаружи стало тихо. Потом послышался смех, грубый и короткий.

— Человек? — Бьорн насмешливо выдохнул. — У человека не светится грудь, как ледяной камень.

Эйра ощутила, как за спиной вновь вспыхнула руна Каэльра, будто его тело отзывалось на их слова. Словно услышало страх.

— Никому не должно быть дела до его груди, — сказала она. — Он ранен. Он умирает.

— Если он умирает, значит, такова воля богов, — ответил Хальдор. — Открой дверь.

Эйра зажмурилась. Откуда в ней было столько силы? От слов Браги? От шёпота руны? Или от чего-то более древнего — от самой возможности сказать “нет”?

— Я не открою, — произнесла она. — Не до тех пор, пока он не сможет встать.

— Это нарушает Закон! — раздался крик.

Эйра вспомнила старые легенды, которые ей рассказывала мать. В них всегда был момент, когда кто-то противился Закону Крови — и всегда этот кто-то погибал. Но были и другие истории, которые мать рассказывала шёпотом, когда отец не слышал: о девушках, которые меняли судьбу своими словами.

Тогда Эйра подняла голову и сказала, будто сама не слышала себя:

— Возможно, Закон пришёл, чтобы защитить нас. А может, пришло время защитить нас от Закона.

За дверью раздался шорох, кто-то пробормотал ругательство. Но шаги всё же отступили.

Эйра знала: это не конец. Это только начало.

К полудню Селлунд наполнился слухами. Они ползли, как змеи: “Эйра спрятала чужака”, “его грудь горит льдом”, “она связана с богами”.

Старейшины собрали совет в длинном доме. На этот раз вызвали её не просто как девушку, а как угрозу.

Когда Эйра вошла, под сводами длинного дома пахло дымом, мокрой шерстью и страхом. Старейшины сидели в кругу, их глаза были холодными, как зимняя вода. Какими бы древними ни были их имена, сегодня они выглядели не как мудрецы, а как стражи, охраняющие слабость.

— Ты нарушила Закон, — первым заговорил Гуннар. Его голос был тихим, но в нём слышался гнев. — Ты принесла

беду в нашу деревню.

— Беда пришла сама, — ответила Эйра. — Её принесло море.

— Море приносит только то, что должно быть забрано, — сказала Бьорнхильд. — Если ты оставишь его в живых, его кровь потянет кровь твоих родных.

Эйра сделала шаг вперёд.

— Я не думаю, что боги дают нам сердце лишь для того, чтобы мы прятались за законы.

— Ты ещё слишком молода, чтобы говорить о богах, — прошипел Гуннар. — Ты знаешь, что слово — это оружие. Мы запретили тебе петь, а ты теперь ещё и защищаешь чужака. Ты становишься опаснее его.

Эйра почувствовала, как внутри поднимается боль — не от их слов, а от понимания: эти люди видели в ней не человека, а угрозу.

Она оглянулась, и вдруг заметила в углу длинного дома старого скальда, одного из немногих, кто ещё помнил древние песни. Он молчал, но в его взгляде было что-то — слов-

но он ожидал её решения.

— Вы боитесь, — сказала Эйра. — И я понимаю. Но страх не может быть законом.

— Тогда что будет законом? — спросил Гуннар. — Твои слова?

Она открыла рот и вдруг почувствовала, как в груди её рождается стих — горячий, как кровь, и ясный, как воздух.

Она произнесла вслух:

Когда море приносит чужое,

оно просит не крови, а милости.

Когда сердце зовёт к спасению,

отказ — это первый шаг к гибели.

Слова разлетелись в зале, словно птицы. На мгновение все замолчали, будто воздух вздрогнул.

— Ты не должна петь, — резко сказала Бьорнхильд, но её голос был слабее.

Эйра почувствовала: слова не просто прозвучали — они что-то изменили.

Старейшины переглянулись. Их страх не исчез, но в нём появилась трещина, как в старом льду.

— Ты не получишь защиты, — наконец сказал Гуннар. — Если чужак останется, ты отвечаешь за его кровь.

Это было почти изгнанием. Но Эйра понимала: она больше не принадлежит им так, как прежде. Она выбрала свою судьбу — и это был первый шаг.

Когда Эйра вернулась в сарай, день уже склонился к вечеру. Внутри было прохладно, и запах моря смешался с травами, которые она принесла для перевязки. Каэльр лежал неподвижно, но его дыхание стало ровнее.

Она села рядом, прикоснулась к его руке — и впервые почувствовала, что в ней нет только холода, но и скрытого жара, будто в глубине льда тлеет огонь.

— Они хотят твоей смерти, — сказала Эйра. — Но я не дам им этого.

Каэльр смотрел на неё долго, как будто пытался понять, что движет ею.

— Ты ничего не знаешь обо мне, — наконец произнёс он.
— Ты не обязана.

— Я не обязана, но я выбираю.

Она произнесла это слово — “выбираю” — и сама почувствовала, как оно тяжелеет, будто в нём заключалась сила.

Каэльр медленно поднялся на локти.

— Если ты спасёшь меня, ты нарушишь многое. Законы, страх, может быть, сам порядок богов.

— Может быть, порядок богов и есть то, что ломается, — ответила она. — Может, я должна быть той, кто это увидит.

Он улыбнулся едва заметно, и эта улыбка показалась Эй-ре странной — в ней было не тепло, а что-то горькое, как память.

— Ты не знаешь, что в моём сердце, — сказал он. — Там лёд.

— Тогда я буду огнём, — тихо ответила она.

Между ними снова повисло молчание, но теперь оно было другим — наполненным, словно в него вплелись нити судьбы.

Эйра поднялась и принесла миску с водой. Она осторожно начала промывать его раны, и каждый раз, когда её пальцы касались его кожи, она чувствовала странные вспышки — не только холода, но и воспоминаний, будто его боль просачивалась в её мысли.

Ей показалось, что она увидела снежные равнины, огромные каменные ворота и женщину, чья тень была холоднее смерти.

Она резко отдернула руку.

— Ты видел Хель, — прошептала она.

Каэльр замер.

— Откуда ты знаешь?

Она не могла объяснить. Её слова были слабее того, что она чувствовала, но она знала: их пути переплетаются не слу-

чайно.

Той ночью она дала обет — не перед богами и не перед людьми, а перед самой собой: помочь ему, несмотря на страх и законы.

Она молчала, но этот обет звучал в ней громче любой песни.

С наступлением ночи в деревне снова зажглись факелы. Люди собрались на площади, требуя, чтобы Эйра вывела чужака.

Она вышла к ним одна, с лицом, освещённым огнём. Ветер снова поднялся, и пламя колыхалось, словно сами духи слушали её.

— Он останется в живых, — сказала она громко. — До тех пор, пока не сможет уйти сам.

— Ты не имеешь права! — закричал Бьорн. — Ты одна — против деревни!

Эйра посмотрела на них всех — на людей, которых любила с детства, и увидела в их глазах страх.

— Я не против деревни, — сказала она тихо. — Я против того, чтобы страх делал нас жестокими.

В толпе зашептались. Кто-то отвёл глаза, кто-то сжал кулаки.

И тогда старая Хельва, та самая, что говорила о волке в небе, вышла вперёд.

— Пусть будет так, — сказала она. — Если девочка хочет испытать судьбу, пусть. Но пусть она знает: иногда даже милость приводит к гибели.

Эйра кивнула. Она знала это. Но знала и другое: если она отвернётся от сердца, её жизнь станет пустой, как мёрзлая равнина.

Толпа разошлась. Но в воздухе осталась тишина — тишина, в которой рождались новые нити судьбы.

Поздно ночью Эйра вернулась к Каэльру. Он сидел, прильнув к стене, и смотрел в щель сарая, где виднелись звёзды.

— Ты слышишь их? — спросил он вдруг.

— Кого?

— Норн.

Она замерла.

— Ты слышишь Норн?

— Иногда. Он повернулся к ней. — Когда нить рвётся.

Эйра подошла ближе, и в этот миг ей показалось, что воздух между ними дрогнул, словно мост Биврёста коснулся земли.

— Ты боишься? — спросила она.

— Я боюсь того, что сделаю, если мои силы проснутся.

Она хотела спросить больше, но слова не шли. Вместо этого она просто села рядом.

Они молчали — и это молчание было впервые не пустым. Оно было как обет, произнесённый без слов.

За стенами сарая шумело море, и в его шорохе Эйра снова слышала ту же руну:

Ансуз.

И где-то далеко, в мире богов, что-то изменилось.

ГЛАВА 4. ИМЯ КАЭЛЬР

Утро было ясным, но не тёплым. После шторма воздух стал стеклянным — чистым и колким, словно резал лёгкие. Селлунд проснулся, но сделал это осторожно, как будто деревня боялась слишком громко дышать.

Эйра провела ночь в сарае, уставившись в темноту и слушая дыхание Каэльра. Его дыхание было ровным, но глубоким, и в каждом вдохе звучал далёкий шорох — будто в нём дышали не один, а несколько миров. Иногда он морщился во сне, и тогда руна на груди слабела, как угасающий огонь, а потом вновь вспыхивала.

Когда солнце поднялось, он открыл глаза и долго молчал. Не потому, что не мог говорить, а потому что не хотел. Его взгляд скользнул по старым сетям, по мокрым стенам, по её рукам, покрытым мелкими порезами от снастей. Он смотрел на всё так, словно пытался понять, где находится, и одновременно решить, можно ли это место разрушить.

Эйра не торопила его. Она знала: молчание тоже бывает ответом.

— Ты не похож на человека из Мидгарда, — сказала она

наконец, чтобы нарушить тяжесть.

Он перевёл взгляд на неё.

— И ты не похожа на женщину, которая должна бояться.

Эти слова прозвучали не как комплимент, а как констатация.

Эйра почувствовала, как сердце ускорилося.

— Я боюсь, — честно сказала она. — Но я выбираю остаться.

Он коротко кивнул, будто это удовлетворило его.

Долгое время они сидели в молчании. Ей хотелось спросить о руне на его груди, о его происхождении, о том, как он оказался в море. Но она чувствовала: каждое слово, заданное слишком рано, может стать ножом.

Наконец он заговорил сам.

— Ты дала мне имя?

— Я спросила твоё.

— Имя — это тоже дар, — сказал он. — Когда его произносят, его слышит весь мир.

Эйра вспомнила Браги и слова о рунах, но не стала спорить. Она просто повторила:

— Каэльр.

Его лицо слегка дрогнуло. Будто это имя было чем-то, что он забыл и снова нашёл.

— Это не имя, которое я выбрал, — сказал он тихо. — Это имя, которое мне дали.

— Кто?

Он не ответил. Но руна на груди вспыхнула так ярко, что Эйра на мгновение зажмурилась.

Поздно вечером Каэльр попросил воды. Эйра принесла деревянную чашу, и он пил медленно, будто каждый глоток был испытанием.

— Ты говорила, что люди в деревне хотят меня убить, — произнёс он.

— Да.

— Они правы.

Эйра замерла.

— Что ты имеешь в виду?

Он посмотрел на неё так, словно видел сквозь её лицо.

— Моя кровь — это кровь двух миров. И оба мира ненавидят её.

Она не сразу поняла.

— Ты... из Асгарда?

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было радости.

— Я — порождение войны. Йотун и ас не должны соединяться. Когда это произошло, миры дрогнули.

Эйра тихо повторила:

— Полукровка.

Он кивнул.

— Моя мать была из Йотунхейма. Отец — из Асгарда. Он не признал меня. Моя мать отдала меня Норнам, чтобы они решили мою судьбу.

Эйра вспомнила старые легенды, где Норны плели судьбы богов и людей.

— Что решили Норны?

— Они не решили. — Его голос стал резче. — Они оставили меня между нитями.

Эйра ощутила холод в груди. Между нитями — значит, без судьбы. Человек без судьбы был страшнее любого чудовища, потому что его путь не определён ни богами, ни законами. Он мог стать чем угодно — спасением или гибелью.

— А руна? — спросила она, показывая на его грудь.

— Печать Хель.

Эйра вздрогнула. Это имя было тяжёлым и холодным, как камень могилы.

— Почему она отметила тебя?

Каэльр откинулся назад.

— Чтобы моё сердце никогда не согрелось. Чтобы во мне не родился огонь, способный разрушить Нити.

Эйра посмотрела на него внимательно.

— Ты веришь, что ты можешь разрушить судьбу?

— Я не верю. Я знаю.

Он сказал это спокойно, но в его словах звучала такая глубина, что она почувствовала, будто заглянула в бездну.

Эйра вспомнила свой сон: мост, трещины, волк, пожирающий солнце. И мужчина с ледяной руной на груди, стоящий на Биврёсте.

— Ты был в моём сне, — сказала она тихо.

Он замер.

— Сны — это язык Норн.

— Значит, они всё же выбрали, — прошептала она.

В последующие дни Каэльр пытался восстановить силы. Он редко говорил, но когда говорил, каждое слово звучало как камень, брошенный в воду — от него расходились круги.

Эйра делала всё, чтобы его раны заживали: приносила травы, меняла повязки, читала шёпотом старые тексты, найденные в святилище Браги. И она заметила: когда она производила определённые ритмы, его дыхание становилось спокойнее, а руна мерцала мягче.

— Ты используешь слово, чтобы исцелять, — сказал он однажды.

— Я не знаю, как это работает.

— Слова старше, чем боги.

Эйра задумалась.

— Если слово может исцелять, значит, оно может и разрушать.

— Да, — сказал он. — Поэтому ты опасна.

Эти слова должны были её обидеть, но почему-то они показались ей правдой.

Она начала рассказывать ему о Мидгарде — о деревне, о рыбных уловах, о праздниках середины зимы, когда люди разводят костры и кидают в море хлеб, чтобы умиловать богов.

Он слушал молча. Но в его взгляде постепенно появлялось что-то, чего не было раньше — не тепло, но внимание.

Однажды он спросил:

— Ты всегда жила здесь?

— Да.

— Ты никогда не мечтала о другом?

Эйра не знала, как ответить.

— Я мечтала... о слове. О том, чтобы оно было свободным.

Он кивнул.

— В Асгарде слово — оружие. В Йотунхейме слово — проклятие.

— А в Мидгарде?

— В Мидгарде слово — страх.

Эйра хотела спорить, но понимала: он прав.

И всё же между ними зарождалось что-то новое. Не доверие ещё, но чувство, что они разделяют одиночество.

Однажды ночью, когда ветер снова поднялся, Каэльр резко проснулся, его дыхание стало рваным, а руна вспыхнула так, что осветила весь сарай.

— Что с тобой? — спросила Эйра.

Он задышался.

— Огонь... он просыпается.

Она почувствовала, как вокруг него воздух становится горячее, и инстинктивно положила руку на его грудь.

В этот момент лёд под её ладонью дрогнул. И она почувствовала, как что-то внутри него пытается вырваться — не просто сила, а ярость, словно вся боль мира сосредоточилась в одном сердце.

— Не дай ему... — прохрипел он.

— Я с тобой, — сказала она. И сама не поняла, почему в этот миг её голос стал сильнее любого заклинания.

Руна погасла. Каэльр рухнул обратно на лежанку, будто потерял сознание.

Эйра сидела рядом, чувствуя дрожь. Она осознала: его опасность — не только для деревни, но и для всего мира. И её сила — возможно, единственное, что может его удержать.

На четвертый день после шторма в деревню пришёл незнакомец. Он был высок, с тёмной кожей, покрытой узорами рун, и носил плащ из чёрного меха. Его лицо было скрыто тенью капюшона, но глаза сверкали холодом, как у хищника.

Он прошёл по деревне молча, не спрашивая разрешения. Люди отступали перед ним, словно сами чувствовали в нём чужую силу.

Эйра увидела его у колодца и поняла: он ищет Каэляра.

Она вернулась в сарай, закрыла дверь и повернулась к Каэлюру.

— За тобой пришли, — сказала она.

Каэльр медленно поднялся, лицо его было спокойно, но в глазах мелькнуло что-то тёмное.

— Йотуны не забывают своих, — тихо сказал он. — И асы не прощают своих ошибок.

— Кто он?

— Охотник.

Эйра почувствовала холод в желудке.

— Что он сделает?

— То, ради чего пришёл.

Она подошла ближе.

— Я не дам тебя забрать.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде было впервые что-то тёплое.

— Ты уже дала слишком много, Эйра.

Но внутри неё уже горело решение.

И когда дверь сарая затрещала под тяжёлым ударом, Эйра шагнула вперёд, даже не думая о страхе.

ГЛАВА 5. СТИХ, МЕНЯЮЩИЙ СУДЬБУ

Дверь сарая содрогнулась от удара. Древние доски застонали, словно вспомнили о временах, когда по их волокнам скользили мечи, а не только рыбацкие сети. Эйра стояла у входа, сердце билось тяжело, но дыхание оставалось ровным — будто в этот момент внутри неё заговорило что-то более древнее, чем страх.

Вторая попытка распахнуть дверь прозвучала глухим раскатом.

— Открой, — голос за дверью был ровным, но опасным, как лёд под тонким снегом. — Я знаю, что он здесь.

Эйра прижала ладонь к двери.

— Ты не из Селлунда, — сказала она.

— Я не спрашиваю разрешения у смертных.

Слова чужака были как руна — короткие, точные, наполненные силой. Эйра ощутила, как по коже побежали мурашки.

ки.

Она оглянулась на Каэльра. Он уже поднялся, хотя ещё вчера едва мог дышать. Его взгляд был холодным и сосредоточенным. На груди снова мерцала руна Хель — голубая, колючая, словно застывшая молния.

— Он пришёл за тобой, — прошептала Эйра.

— Я знаю, — сказал Каэльр. — Он — из Йотунхейма.

— Йотун?

— Нет. Каэльр сжал кулаки. — Охотник из Асгарда.

Её сердце сжалось. Она знала легенды о воинах Асгарда, которые приходили в Мидгард, чтобы исправлять «ошибки судьбы». Никто не возвращался после их визита прежним.

Дверь треснула, и сквозь щель показался взгляд — холодный, как зимняя полночь.

Эйра не отступила. Она подняла голову, и вдруг её голос прозвучал не как голос рыбацкой девушки, а как голос скальда.

— Есть двери, которые не открываются силой. Есть пороги, что не переступают без цены.

В этот миг из глубины её памяти поднялся стих — не сочинённый, а найденный, словно вырезанный в её крови. Он звучал внутри неё как ритм моря, как пение древних камней.

И Эйра произнесла его вслух:

Пусть рука, что ищет крови,

найдёт лишь ветер и тень.

Пусть шаг, что несёт проклятие,

станет шагом в пустую ночь.

Слова разлетелись, как птицы. В воздухе что-то дрогнуло.

Дверь, которая уже начала поддаваться, вдруг осталась неподвижной. Дерево затихло, будто его корни вросли в камень.

Снаружи послышался короткий вздох — не испуг, а удивление.

— Скальдесса, — прошептал чужак. — Значит, слухи были правдой.

Тишина стала густой. Эйра почувствовала, как её колени слегка подогнулись — словно она отдала часть силы в эти слова. Но голос в ней не умолкал. Он требовал продолжения.

Она повернулась к Каэльру и положила ладонь на его грудь, прямо поверх руны.

— Если я могу закрыть дверь, — прошептала она, — то могу и открыть путь.

Каэльр смотрел на неё, как на явление — не с доверием, но с признанием силы.

— Не делай этого, — сказал он. — Слова рвут нити. Иногда нити рвут тебя.

Но она уже чувствовала, что сделала выбор.

Она запела.

Не громко, не как песнь валькирий, а тихо — как поёт море, когда никто не слышит. Слова были древними, и в каждом было имя, обращённое к судьбе, а не к людям.

Руна в плоти — не приговор,

если слово станет мостом.

Руна в сердце — не проклятие,

если песнь станет огнём.

И когда она произнесла последнее слово, руна на груди Каэльра вспыхнула белым светом. Он вскрикнул — от боли или от освобождения, Эйра не знала.

Охотник за дверью издал глухое рычание, словно почувствовал, что что-то изменилось.

Эйра поняла: её стих не только закрыл дверь. Он коснулся самой нити Каэльра.

Когда звук стихов стих, воздух в сарае стал другим — теплее и плотнее. Руна, прежде холодная, теперь светилась мягко, как луна на снегу. Каэльр дрожал, но его дыхание стало ровным.

— Что ты сделала? — тихо спросил он.

Эйра опустилась рядом. Её руки дрожали, словно она держала не слово, а меч.

— Я не знаю, — призналась она. — Я просто сказала то, что чувствовала.

Он посмотрел на свою грудь, затем на её лицо.

— Ты исцелила меня.

Эйра хотела ответить, но внезапно почувствовала резкую боль — будто ледяная игла вошла ей в грудь. Она вскрикнула и схватилась за сердце.

Каэльр моментально оказался рядом, его руки поддержали её.

— Эйра!

Она задышала часто, будто воздух стал слишком тяжёлым. Боль была странной — не физической, а словно из неё вырвали часть чего-то живого, чего она не замечала прежде.

Она закрыла глаза и увидела странный образ: будто в глубине её груди вспыхнула нить — тонкая, золотая, и в тот миг она оборвалась.

Она почувствовала холод, но не от моря. Холод был изнутри.

— Это цена, — прошептала она.

Каэльр молчал. Он понимал, но не мог облегчить её боль.

— Слова взяли у тебя часть, — сказал он наконец. — Так всегда.

Эйра с трудом выдохнула.

— Тогда я буду платить.

Он смотрел на неё долго.

— Ты не должна платить за меня.

Она подняла глаза.

— Я уже заплатила. Значит, мой путь — этот.

В этот момент дверь сарая снова затрещала. Но теперь Эйра знала: она не одна.

Она поднялась, ощущая в груди пустоту и жар одновременно.

— Я открою, — сказала она.

— Ты не понимаешь, что он может сделать, — предупредил Каэльр.

— Я понимаю, что могу сделать я.

Она подошла к двери и резко распахнула её.

Охотник стоял перед ней, высокий, словно тень горы. На его лице были руны, будто выжженные огнём. Он держал копье, наконечник которого был покрыт льдом.

— Ты говоришь голосом Браги, — произнёс он. — Но ты смертна.

— И потому мои слова могут быть смелее.

Охотник рассмеялся.

— Ты не знаешь, на что ставишь.

— Я знаю, что если тебя пустить, деревня утонет в крови.

Он сделал шаг вперёд. Эйра почувствовала, что её ноги дрожат.

Она снова произнесла стих — короткий, как удар:

Кто ищет кровь — найдёт пустоту,

кто ищет смерть — найдёт ночь.

Чужак, шагни назад,

или станешь тенью.

Воздух вздрогнул. Охотник замер.

Это было не заклинание в привычном смысле. Это было слово, которое меняло ткань мира. Эйра почувствовала, как будто в её груди снова оборвалась ещё одна нить, но шаг охотника остановился, словно невидимая сила схватила его за плечи.

Он посмотрел на неё внимательно, впервые без презрения.

— Ты опаснее, чем он, — сказал он тихо. — Ты — нить,

которой не было.

И, развернувшись, ушёл.

Эйра рухнула на землю. Мир вокруг неё дрожал. Она знала: цена её слов растёт.

Когда наступила ночь, Эйра уже едва могла держаться на ногах. Она чувствовала себя опустошённой, но внутри всё ещё горел огонь.

Каэльр наблюдал за ней.

— Твоя сила... — начал он.

— Это не моя сила, — перебила Эйра. — Это слова, которые проходят через меня.

Он молчал, словно подбирал слова.

— Знаешь ли ты, что делает руна Ансуз?

Эйра вспомнила шёпот моря.

— Это руна слова.

— Руна дыхания, голоса, истины.

Она посмотрела на него, будто впервые увидела иначе.

— Значит, когда я говорю, я не просто говорю. Я плету.

Каэльр кивнул.

— Ты вплетаешь новые нити. Ты изменяешь судьбу.

Эйра ощутила, как от этих слов мир вокруг будто стал ещё глубже. Нити судьбы — это не абстрактная идея. Она чувствовала их, когда произносила стих. Они были как струны, которые дрожат от голоса.

Она вспомнила легенды, что слышала от старой Хельвы: о Норнах, что плетут судьбы у колодца Урд.

— Если мои слова меняют судьбу, — сказала она, — значит, Норны слышат меня.

— И они могут прийти за тобой, — ответил Каэльр.

Тишина стала плотной. За стенами сарая шумело море.

— Я не боюсь Норн, — сказала Эйра. — Я боюсь молча-

ния.

Она вышла наружу. Небо было чистым, и звёзды сияли ярко, как руны на чёрном камне.

Эйра подняла лицо к небу.

— Если судьба — это нити, — прошептала она, — тогда я хочу держать иглу.

Она почувствовала, как в глубине её груди загорелась крошечная точка света. Она не знала, сколько раз ещё сможет платить за свои слова, но знала, что больше не сможет молчать.

В ту же ночь на небе снова вспыхнул знак волка. Но теперь Эйра посмотрела на него иначе. Она уже не видела в нём только страх. Она видела вызов.

Каэльр подошёл к ней.

— Ты понимаешь, что сделала?

— Да.

— Ты связала свою судьбу с моей.

Она посмотрела на него, и впервые в её взгляде было не только сострадание, но и решимость.

— Я выбираю это.

Он опустил голову.

— Это путь, с которого нет возвращения.

— Тогда пусть это будет путь, который изменит всё.

Она произнесла это, и почувствовала, как море вздохнуло.

Позже, когда они снова укрылись в сарае, Эйра поняла, что усталость — это не просто усталость. Она ощущала, что внутри неё что-то изменилось навсегда.

Её слово перестало быть её. Оно стало частью мира.

Она вспомнила взгляд охотника — и поняла, что её сила не останется незамеченной.

Каэльр сказал:

— Если ты действительно хочешь изменить судьбу, тебе

нужно найти руну Ансуз.

— И где она?

— В Асгарде, у колодца Урд.

Эйра почувствовала, как внутри снова рождается стих. Она прошептала его, глядя на своё отражение в миске с водой:

Море хранит путь,

звёзды скрывают двери,

слово становится мечом,

и сердце — компасом.

Каэльр услышал.

— Ты уже начала путь, — сказал он.

Эйра посмотрела на него и впервые увидела, что в его глазах появился огонь.

Она понимала: впереди — девять миров, боги, Норны,

опасность, любовь.

Но она уже сделала первый шаг.

ГЛАВА 6. НАЧАЛО ПОГОНИ

Селлунд ещё спал, когда по дороге, ведущей с северных холмов, появились чужие. Небо было бледным, и рассвет только начинал расплетать ночную темноту, но тени на дороге были уже длинными, как копья.

Эйра проснулась от ощущения, будто земля под ней дрожит. Она вскочила, прижалась ухом к стене сарая и услышала тяжелые шаги — не местных людей, привыкших ходить по камням, а чужаков, ступающих так, словно земля принадлежала им.

Каэльр встал рядом, его глаза сузились.

— Это не асы, — сказал он тихо. — Йотуны.

Эйра заметила, как руна на его груди вспыхнула, а воздух вокруг стал холоднее.

Она выглянула из щели в стене. Деревня уже просыпалась: двери открывались, люди выходили и замирали, увидев, как на площадь входят шесть человек, высоких, широкоплечих, с кожей, на которой были вырезаны руны. Их волосы были светлыми, как зимний лёд, и на спинах висели массивные

топоры, украшенные камнем и костью.

Йотуны не говорили. Они лишь шли, и в их тишине было что-то тяжелое, как каменная глыба, которую невозможно сдвинуть.

Впереди их шёл мужчина, которого Эйра узнала по легендам — Ульфгрим, охотник за кровью. Его имя шёпотом проносили на севере, когда говорили о тех, кто ищет полукровок. Его лицо было изрезано шрамами, а на шее висела цепь из зубов зверей.

Он остановился в центре деревни и поднял руку.

— Мы ищем одного, — прогремел он так, что его голос разнёсся над крышами. — Его кровь не принадлежит ни асам, ни йотунам. Он — ошибка, и ошибка должна быть исправлена.

Люди молчали. Страх был сильнее слов.

— Если вы прячете его, — продолжил Ульфгрим, — мы возьмём его силой. Если отдадите — мы уйдём.

Эйра сжала ладони. Она поняла: выбор, который она сделала, вышел за пределы деревни. Теперь это был выбор меж-

ду мирами.

Йотуны двинулись по улице, проверяя дома и амбары, словно ветер, который не встретит сопротивления. Люди отступали, не решаясь поднять оружие. Они знали: против этих существ их топоры — как ветви против камня.

Эйра понимала, что если они найдут Каэльра, его убьют. Она также понимала, что она — их слабое место. Йотуны могли взять её в заложники, чтобы вынудить Каэльра выйти.

Именно это и произошло.

Когда один из воинов заметил её силуэт у сарая, он сделал знак другим. Прежде чем Эйра успела отступить, её схватила огромная рука и подняла в воздух, будто она была не человеком, а лёгкой тканью.

— Скальдесса, — сказал Ульфгрим, подходя ближе. — Ты — ключ. Он не сможет спрятаться, если ты в наших руках.

Эйра попыталась сопротивляться, но его пальцы были крепче, чем камень. Она почувствовала, как холод от руны на его руке проникает в кожу.

— Отпусти меня, — сказала она.

Ульфгрим усмехнулся.

— Ты должна идти. Он придёт сам.

Её потащили к выходу из деревни. Люди смотрели, но никто не осмелился вмешаться. Только старая Хельва подняла голову и прошептала:

— Это — нить, которая тянет за собой судьбу.

В тот момент, когда Эйру увели за пределы деревни, воздух изменился. Он стал холодным, словно ночь опустилась среди дня.

Каэльр вышел из сарая, и люди впервые увидели, что скрывалось внутри. Он был выше большинства мужчин, и в его движениях было что-то не человеческое — не тяжесть йотунов, не лёгкость асов, а смесь, которая придавала ему опасную грацию.

На груди его руна горела.

— Отпусти её, — сказал он Ульфгриму.

Йотун рассмеялся.

— Ты пришёл сам.

Он бросил Эйру на землю. Она упала, почувствовала боль в плечах, но поднялась, едва дыша.

Каэльр шагнул вперёд. Его глаза стали ледяными.

— Я принадлежу ни вам, ни им, — произнёс он. — Но она — не ваша.

Ульфгрим вытащил топор, и руны на его лезвии вспыхнули красным.

— Ты — ошибка. А ошибки стирают.

Круг йотунов сомкнулся. Люди деревни отступили, чтобы не оказаться втянутыми.

Эйра чувствовала, как внутри всё сжимается — не от страха, а от осознания: сейчас она увидит, кем на самом деле является Каэльр.

Первый удар был быстрым. Ульфгрим бросился вперёд, топор рассёк воздух, но Каэльр уклонился так легко, словно знал движение заранее.

Второй йотун попытался ударить его сзади, но Каэльр резко развернулся, и из его ладони вырвался ледяной свет — руна на груди вспыхнула, и ударенная рука йотуна покрылась льдом.

Йотун вскрикнул, и этот крик был не человеческим — он звучал как треск льда.

— Что ты такое? — прошептал кто-то из деревенских.

Каэльр не ответил. Его движения стали быстрее, почти нечеловеческими. Он не убивал — он останавливал, замораживал, отталкивал. Словно он сам не хотел пролить кровь, но вынужден был раскрыть силу.

Ульфгрим бросился вновь. Каэльр не отступил. Он поднял руку, и в воздухе вспыхнула руна, которая не была знаком ни асов, ни йотунов — она была чёрной, словно пустота между мирами.

Ульфгрим остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Его лицо исказилось, а потом он рухнул на колени.

— Ты... не имеешь права... — прохрипел он.

— Я не имею мира, — тихо сказал Каэльр. — И потому не имею ограничений.

Он подошёл к Эйре и протянул ей руку.

— Ты в порядке?

Она кивнула, хотя её сердце билось так, будто хотело вырваться наружу.

После боя деревня молчала. Люди смотрели на Каэльра как на чудовище и спасителя одновременно.

Гуннар, старейшина, подошёл к Эйре. Его лицо было серым.

— Ты привела к нам войну.

Эйра ответила тихо:

— Война пришла сама.

Гуннар посмотрел на Каэльра, потом снова на неё.

— Тебе нельзя оставаться.

Эйра знала, что это правда. Теперь её жизнь была связана с Каэльром, а значит — с бедой, которая тянулась за ним.

Она собрала немного вещей — тёплый плащ, нож, старый амулет матери.

Ночь опускалась, когда они вышли из деревни. Люди молчали, только ветер шептал что-то среди крыш.

— Куда мы пойдём? — спросила она.

Каэльр посмотрел на север, где тянулись горы, скрывающие границу Йотунхейма.

— Если ты хочешь изменить судьбу, тебе нужно выйти за пределы Мидгарда.

Эйра взглянула на звёзды. Ей показалось, что одна из них мигнула, словно руна.

— Тогда я пойду, — сказала она. — Но не как беглец. Я иду, чтобы найти руну Ансуз.

Каэльр посмотрел на неё.

— Твой путь будет опасен.

— Мой путь уже опасен, — ответила она.

И они пошли.

За спиной оставалась деревня и прежняя жизнь. Впереди — миры, боги, руны и судьба, которую им предстоит переписать.

ГЛАВА 7. КЛЯТВА У МОРЯ

Они ушли ночью. Ветер гнал облака по небу, и луна то появлялась, то скрывалась, словно сама колебалась — благословлять ли их путь или отвергать.

Селлунд остался позади, как мерцающий огонёк на краю моря. Деревня, которая казалась Эйре целым миром, теперь превращалась в маленькую точку, дрожащую в холодной темноте.

Эйра шла быстро, опираясь на посох, который ей дал отец в детстве — для рыбалки, но теперь он служил ей как оружие и спутник. Она почти не оглядывалась: знала, что каждый взгляд назад может стать цепью.

Каэльр молчал, но его присутствие было ощутимым, как тень горы рядом. Он двигался бесшумно, почти не оставляя следов, словно не принадлежал земле.

— Они будут нас искать, — сказала Эйра.

— Да, — ответил он. — И асы, и йотуны.

Она кивнула.

Слова «асы» и «йотуны» звучали как два разных мира, два разных конца одного пути. И теперь они были не мифами, а реальностью.

— Ты думаешь, они оставят деревню в покое?

Каэльр задумался.

— Йотуны не тронут смертных без причины. Но асы...

Он не закончил. Эйра сама знала: асы, если считают что-то ошибкой, исправляют её без колебаний.

Она сжала посох.

— Тогда наш путь — не только ради нас.

Каэльр посмотрел на неё, и в этом взгляде было что-то новое — не холод, а уважение.

Они остановились в каменистой долине, где скалы образовывали природный круг, защищающий от ветра. Здесь пахло мхом и сыростью, но это место казалось безопасным.

Эйра разожгла небольшой костёр — огонь был нужен не

столько для тепла, сколько для ощущения жизни.

Она смотрела, как языки пламени танцуют, и думала о том, что её дом остался позади. Впервые в жизни она не знала, где будет спать завтра.

Каэльр сидел напротив, его лицо освещалось всполохами. В огне его черты казались резкими и древними, словно он был высечен из камня.

— Ты правда хочешь идти дальше? — спросил он.

Эйра подняла глаза.

— Да. Я уже сделала выбор.

— Твой выбор привёл тебя в изгнание.

— Но он дал мне путь.

Он долго молчал. Затем сказал:

— Многие выбирают путь, но не все понимают, что путь выбирает их.

Эйра улыбнулась — впервые за долгие дни.

— Ты говоришь как скальд.

Он усмехнулся.

— Я слышал скальдов в детстве. Они часто говорили о судьбе.

— Ты помнишь своё детство?

В его глазах мелькнула тень.

— Да. И это не всегда дар.

Она не стала спрашивать дальше.

В эту ночь, когда они лежали у костра, между ними появилась новая тишина. Она была не неловкой, а тёплой. Эйра чувствовала, что впервые за долгое время не одна.

И в этой тишине возникло странное ощущение — будто их судьбы действительно сплетаются, и каждое дыхание становится частью общей песни.

На рассвете они вышли к морю. Оно было другим, чем у Селлунда — шире, темнее, будто скрывало более древние

тайны.

Эйра остановилась у воды и увидела, как волны перекатывают гладкие камни, словно Норны перебирают их, выбирая, какие из них станут частью судьбы.

Она присела, коснулась воды. Холод прошёл по коже, но за ним было чувство ясности.

Каэльр подошёл рядом.

— Я должен сказать тебе кое-что, — произнёс он.

Эйра повернулась к нему.

— Если ты идёшь со мной, — начал он, — твоя судьба больше не будет принадлежать Мидгарду. Она будет идти между мирами.

— Я знаю.

— Это значит, что ты можешь потерять всё.

Эйра улыбнулась печально.

— Я уже потеряла.

Он долго смотрел на неё.

— Тогда я дам тебе клятву.

Эйра удивилась.

— Я, Каэльр, рожденный от двух миров, клянусь: пока я жив, твои шаги не будут одиноки. Пока моё сердце бьётся, твоя жизнь не будет обесценена.

Его голос был тихим, но в нём была сила, будто он произносил не просто слова, а древнюю формулу.

Эйра почувствовала, как от этих слов в груди что-то вспыхнуло. Она поняла: теперь это не просто путь двух спутников. Это союз.

Она подняла ладони и произнесла свою клятву:

— Я, Эйра, дочь моря и слова, клянусь: моё слово не будет оружием против тебя. Моя песнь станет твоей защитой, пока я дышу.

В этот миг море подняло волну и плеснуло им на ноги.

Это было знаком — как будто сама вода скрепила их клятвы.

После клятвы они сидели на камнях, глядя на горизонт.

Эйра знала, что не может вернуться. Но куда идти?

— Если мои слова меняют судьбу, — сказала она, — значит, я должна научиться этому. А научиться можно только там, где рождаются судьбы.

— У колодца Урд, — ответил Каэльр.

Эйра кивнула.

— Туда.

— Ты понимаешь, что это означает?

— Девять миров. Асгард. Йотунхейм. Хельхейм.

Она произнесла эти имена, и каждое звучало как удар молота.

— Мы можем не дойти, — сказал Каэльр.

Эйра посмотрела на него.

— Тогда мы умрём, пытаюсь.

Эти слова прозвучали не как отчаяние, а как решение.

Каэльр встал.

— Тогда нам нужен путь.

Он наклонился, вытащил из-за пояса старый камень, покрытый рунами.

— Это — осколок Биврёста, — сказал он. — Он был со мной всегда. Я не знал, зачем. Но теперь понимаю: он может открыть дорогу между мирами.

Эйра взяла камень в руки. Он был холодным, но не как лёд. Это был холод звёзд, холод расстояния между мирами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.